

52-е Виноградовские чтения в МГУ

20 января 2021 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись 52-е Виноградовские чтения. Тема чтений — «О соотношении традиций и новаторства в филологическом мышлении (Уроки В. В. Виноградова)». Чтения прошли в онлайн-формате, что позволило расширить аудиторию слушателей: на чтениях присутствовали филологи из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья.

Виноградовские чтения 2021 г. открыла президент филологического факультета профессор **М. Л. Ремнева**, которая в своем приветственном слове отметила особую значимость В. В. Виноградова для русской филологической науки, непреходящую ценность трудов академика В. В. Виноградова для современных лингвистов и литературоведов, роль В. В. Виноградова в истории филологического факультета МГУ и кафедры русского языка. Уникальность личности Виктора Владимировича состоит в том, что его научные интересы распространялись на все объекты русской филологической науки, его научное мышление соединяло лучшие традиции русистики XIX в. с новаторскими идеями XX в., тонкое чутье языкового материала и энциклопедическое знание текстов со строгой научной теорией. Он был ученым и учителем, организатором и руководителем. Виноградовские традиции и Виноградовская научная школа определили и продолжают определять развитие филологии в МГУ. Сегодня как никогда важно сохранить преемственность в русской филологической науке, и для этого мы вновь и вновь обращаемся к трудам Виктора Владимировича Виноградова, ежегодно проводим Виноградовские чтения, на которых соединяем специалистов в разных научных областях, представителей разных научных школ и разных поколений.

Программу чтений открыл доклад «Традиции и новаторство в отечественной лингвистике» члена-корреспондента РАН **В. М. Алпатова** (ИЯз РАН), который представил историю развития русистики как диалог научных парадигм, как сложное методологическое взаимодействие традиций и новаторства. Отечественная лингвистика всегда была частью мировой лингвистики и в основном проходила те же этапы развития. В XIX в. сложились две основные парадигмы языкознания: компаративная и философская (гумбольдтианская). Их основателями в русской лингвистике были соответственно А. Х. Востоков и ранний А. А. Потебня. Натуралистический подход нашел развитие у И. И. Срезневского. Затем в России, как и на Западе, почти полвека господствовал позитивизм (Ф. Ф. Фортунатов и его школа). Главным принципом позитивистской лингвистики был даже не историзм, а сосредоточение на явлениях, доступных непосредственному наблюдению или выводимых из них по строго определенным правилам, что означает господство «преклонения перед фактом» и изгнание «метафизики». Показательно, что именно тогда сложилась чисто синхронная экспериментальная фонетика. А. И. Томсон, один из первых фонетистов, был новатором по объекту исследований и традиционалистом по теоретическому подходу, стремясь всегда исходить из конкретного. Затем новаторские идеи высказывали Н. В. Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртэнэ.

С 1920-х гг. сложился структурализм, начиная с Н. Ф. Яковлева, Московской и Ленинградской школ. Для него характерно: отказ от эмпиризма, понимание языка как знаковой системы, рассмотрение объекта по образцу естественных наук с позиции извне. Преобладала «бумажная» фонология, для того времени новаторская. В своем крайнем проявлении этот подход выражался в совершенно формальном задании модели (И. А. Мельчук). Одновременно существовала и традиционная лингвистика: она обладала нестрогим понятийным аппаратом и ориентировалась на русский язык. Были и поиски альтернатив структурализму: В. Н. Волошинов, В. И. Абаев. С 1970-х гг. сложилась и иная, так называемая «функциональная», в том числе когнитивная, парадигма. Функционализму свойственно значительное расширение тематики и стремление к установлению связей с другими науками о человеке.

В докладе профессора **Т. В. Шмелевой** (НовГУ, Великий Новгород) «Виноградовский “образ автора” и авторское начало медиатекста» внимание слушателей было привлечено к понятию «образ автора», предложенному В. В. Виноградовым при изучении русской классической литературы. Развивая идею В. В. Виноградова, Т. В. Шмелева рассмотрела грамматические средства, предъявляющие в современных текстах точку зрения автора, и обосновала понятие «авторское начало текста», которое является грамматической проекцией позиции автора. В докладе было показано, что содержательная часть «авторского начала текста» складывается из пяти составляющих: способы номинации автора в тексте, хронотоп, отношения и оценки автора, метатекст и прецедентность текста. Предложен анализ современного медиатекста (Д. Драгунского «Год прошел, год настал», 2021 г.) и показано, что каждый из содержательных моментов авторского начала строится по определенному сюжету: автор текста в первых предложениях выбирает объективную, надличностную позицию, но затем субъективирует текст; следующий шаг — автобиографический эпизод «от первого лица». Пространственно-временная позиция также подчиняется определенному сюжету: с точки актуального настоящего хронотоп передвигается в прошлое (советское), далее в ирреальную модальность в Средневековье, затем возвращается в близкое автобиографическое прошлое и завершается соединением актуального настоящего и античного прошлого.

Доклад профессора **Е. В. Петрухиной** (МГУ) «Взаимодействие залога и вида: семантические эффекты и их интерпретация» был посвящен категории залога в русском языке в сопоставлении с другими славянскими языками. При этом сравнивались и научные концепции: сопоставлялись взгляды В. В. Виноградова на русский залог с новейшими лингвистическими теориями, в частности с описанием залога в Корпусной грамматике русского языка (статья «Возвратность») и морфологической разметкой в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). Е. В. Петрухина обосновывала мысль о том, что аналитические конструкции страдательного залога, образованные от глаголов СВ, и синтетические возвратные формы пассива НСВ в русском языке нельзя разделить и рассматривать их в разных залогах. Залоговую систему необходимо представлять в связи с категорией вида. В славянских языках представлены два варианта взаимодействия категорий залога и вида, которые докладчица терминологически обозначила как «симметричная» и «асимметричная» системы. Для русского языка в страдательном залоге характерна асимметричная система — аналитические формы глаголов СВ и синтетические формы глаголов НСВ составляют единую парадигму, в отличие от симметричных видовых систем пассива в ряде других славянских языков, в частности в чешском. В докладе было показано, что разная видовая организация пассива в славянских

языках непосредственно связана с особенностями семантики видов и видовой оппозиции. В ряде публикаций Е. В. Петрухиной¹ доказывается, что в русском языке совершенный вид маркирован, так как актуализирует временную границу между смежными ситуациями (ПРЕДЕЛ действия). В чешском языке СВ выражает идею ЦЕЛОСТНОСТИ без актуализации границ действия. Это различие влияет и на семантику видового соотношения в пассивном залоге: при употреблении возвратных пассивных форм, образованных от глаголов СВ, в русском языке часто возникает декаузативный эффект, не свойственный чешскому языку (а также ряду других славянских языков).

Профессор **М. Ю. Сидорова** (МГУ) в докладе «С чего начинается синтаксис: взгляд на русское предложение сквозь призму порождающего подхода» обсуждала разные подходы к представлению предложения как коммуникативной единицы синтаксиса и обосновывала актуальность синтаксических идей В. В. Виноградова. При системном описании предложения необходимо учитывать те текстовые и ситуативные условия, в которых предложение выполняет свою коммуникативную функцию. Обширный репертуар синтаксических конструкций обеспечивает разнообразные коммуникативные потребности говорящих. М. Ю. Сидорова сопоставила функционирование предложения в трех типах речи (внутренней, устной и письменной) и показала, что устная речь, погруженная в ситуацию, допускает опущение компонентов предложения, поскольку референтная ситуация (то, о чем говорят) совпадает с коммуникативной. В тех случаях, когда соприсутствующие говорящий и слушающий обсуждают референтную ситуацию, находящуюся на пространственно-временной дистанции от коммуникативной, возможности опущения компонентов предложения уменьшаются и устная речь сдвигается от полюса внутренней к полюсу письменной.

Виноградовскую традицию изучения истории слов развивал профессор **А. Д. Шмелев** (ИРЯ РАН, МПГУ) в своем докладе «*Дикость и одичание* в истории русского языка и русской культуры». Семантика прилагательного *дикий* и производных от него существительных *дикость* и *одичание* связана с их противопоставлением понятию «культура» в его разных значениях. Если в XIX в. *дикими* были не только животные, но и народы, то в наше время в основном круге употреблений слово *дикий* применяется не к людям и народам, а к растениям и животным. *Диким* называется все природное, не обработанное человеком. Кроме того, понятие *дикости* связано с противопоставлением «своего, обжитого» и «чужого, необжитого» пространства. Противоположность *дикости* — смирное, или в народной речи *смирное*, поведение. От этого противопоставления еще один шаг приводит к появлению у слова *дикий* и его производных значений высокой степени чего-либо, т.е. значения «переходящий границы нормального, очень сильный». *Дикостью* сейчас называют нарушение принятых в культурном сообществе правил приличия и норм поведения, открытую демонстрацию необразованности и низкого культурного уровня. Докладчик рассмотрел также «парадоксы» *одичания*: животное дичает, когда оказывается на воле, вне контролируемого человеком пространства; человек дичает, когда оказывается в одиночестве, замыкается дома, в своем личном пространстве.

Диахронный аспект изучения семантико-синтаксических свойств служебных единиц языка стал предметом обсуждения в докладе «Семантика союза *как* в диа-

¹ Информацию об этом и тексты ряда статей см. <http://istina.msu.ru/profile/PetrukhinaEV9265/>.

хронном аспекте» кандидата филологических наук **Н. В. Сердобольской** (ИЯз РАН) и профессора **И. М. Кобозевой** (МГУ). В докладе рассматривались два аспекта развития семантики союза *как* (*како*, *какъ*) в связи с типологическими обобщениями относительно путей грамматикализации вопросительных наречий образа действия (НОД) и типологией сравнительных конструкций. Докладчики отталкивались от гипотезы типологов К. Бойе и М. Л. Сёренсен об определенном сценарии грамматикализации местоименных наречий: 1) вопросительное НОД → относительное НОД в «косвенном вопросе» → союз, вводящий сентенциальный актанта (СА) в статусе «события» → союз, вводящий СА в статусе «факта/пропозиции». На основе данных истории русского языка были предложены два альтернативных сценария: 1) событийное употребление развивается из конструкций при перцептивных и ментальных глаголах; 2) происходит постепенное сужение функций подчинительного союза с общим, недифференцированным значением. Представлены данные в пользу того, что в древнерусский период сравнительные союзы были дополнительно распределены по двум сравнительным значениям — симилятива (*акы/аки*) и экватива (*како*, *какъ*), но впоследствии такая система, сохранившаяся в ряде европейских языков, в русском языке уступила место системе, в которой различие этих двух значений передается не различием союзов, а различием простого и соотносительного сложноподчиненного предложения с союзом *как*.

В докладе кандидата филологических наук **М. А. Холодиловой** (ИЛИ РАН, ВШЭ) «Грамматикализация вспомогательных глаголов в русском языке» обсуждались свойства таких предикатов, как *мочь*, *стать*, *дать* в значении 'позволить', *должен* и некоторых других, указывающие на их грамматикализацию в качестве вспомогательных глаголов, т. е. на становление таких форм, как *может сделать*, в качестве аналитических. На основе корпусных количественных данных было показано, что рассматриваемые предикаты в разной степени демонстрируют свойства, характерные для грамматикализации вспомогательных глаголов — редукцию парадигмы и моноклаузальность. Редукция парадигмы затрагивает прежде всего нефинитные формы (деепричастия, причастия, инфинитив) и императив и проявляется не только в полной неграмматичности отдельных форм, но и в их редкости или ограниченности возможных для них контекстов. Моноклаузальность структур с рассматриваемыми глаголами проявляется в выборе местоимения (не неопределенного, а отрицательного) в зависимой клаузе при отрицании. Рассмотрение признаков грамматикализации в их совокупности указывает на сравнительно высокую степень грамматикализации модальных предикатов *мочь*, *надо* и *должен*.

В докладе кандидата филологических наук **Н. М. Стойновой** (ИРЯ РАН) и кандидата филологических наук **А. Б. Шлуинского** (ИЯз РАН) «Русские сериальные глагольные конструкции: типологические и конкретноязыковые ограничения» рассматривались соединения глаголов типа *стоит молчит*, *сидит пишет* на фоне подобных явлений в других языках. Основными ареалами распространения сериальных конструкций (СК) признаются Западная Африка, Юго-Восточная Азия, Океания и Папуа Новая Гвинея; кроме того, СК распространены в креольских языках. Для типичного языка с сериализацией характерна аналитическая морфология, изолирующий тип и малое количество нефинитных форм глагола. Русский язык — пример языка с СК как периферийной стратегией. СК в русском языке в значительной мере укладывается в типологические ожидания: для них обычно совпадение вида, времени и наклонения; преобладание модифицирующих СК с глаголами движения и позиции; иконический порядок глаголов. Но есть и то, что не отвечает

типологическим ожиданиям: последовательно употребляются СК «императив НСВ + императив СВ» (*иди возьми*); есть маргинальные примеры типа *пришел сидит*; маргинальные примеры с независимым отрицанием; повышенная частотность императива и других форм со значением побуждения.

Кандидат филологических наук **М. Ю. Князев** (ИЛИ РАН) в докладе «Применные актантные придаточные в русском языке: синхронный анализ и диахроническая перспектива» представил результаты сравнительного корпусного исследования сложных предложений с разными вариантами соединения предикативных частей: (1) *настаивает на той мысли, что...*; (2) *настаивает на мысли, что...*; (3) *настаивает на мысли о том, что...* В истории этих конструкций наблюдаются спады и подъемы их активности. Так, для второй трети XIX в. наиболее частотной была конструкция с существительным и препозитивным указательным местоимением (1), а в XX в. она уступает место конструкциям с указательным местоимением после существительного (3). По мнению докладчика, это произошло под действием аналогии с глагольными синонимичными конструкциями (*настаивает на том, что...*). При этом до сих пор некоторые существительные сохраняют доминирование конструкции с препозицией указательного местоимения (*по той причине, что...*; *на том основании, что...*; *под тем предлогом, что...*).

Виноградовские чтения 2021 г. показали, что движение науки вперед не означает отказа и зачеркивания всего того, что создано и накоплено предшественниками, что достижения классической русистики в соединении с современными методами исследования обеспечивают поступательное движение русской лингвистической науки.

The 52nd Vinogradov Conference in the Moscow State University

Н. К. Онипенко
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

Получено 30.01.2021

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Russian
Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
onipenko_n@mail.ru

Received on January 30, 2021